

Лебединая песня

Автор:

Денис Грей

Лебединая песня

Денис Грей

Применение массированных ударов ядерным, бактериологическим и всевозможным химическим оружием уничтожило до семидесяти процентов населения планеты, а огромные территории Земли стали не пригодными для жизни. Это событие вошло в историю человечества как "Черный день". Выжившие представители фауны планеты, попав под аномальное воздействие зараженных территорий, изменились практически до неузнаваемости. Выжили только сильнейшие. История начала новый отсчет времени. Содержит нецензурную брань.

Денис Грей

Лебединая песня

Внимание!

Ненормативная лексика. Сцены насилия и жестокости. Все персонажи, имена, места действия, названия, являются вымышленными, и любое совпадение, случайно!

Выражаю благодарность Сергею Скрынникову и Дмитрию Ковалюку за поддержку и критику, на всех этапах написания данного произведения. Спасибо Вам, мои друзья!

Предисловие

Шел 2146 год, человечество так и не отправилось к другим звездам, истребило всю фауну, плодясь и занимая все новые территории, некогда принадлежавшие диким животным. Практически не добившись серьезного прорыва в технологиях, исчерпало недра земли и отравило экологию планеты. Онкологические болезни, эпидемии, а также великое множество мутагенных штаммов вирусов, грозили полному вырождению человеческого вида. Тогда в 2154 году светило науки, ученый – генетик Роман Петрович Севергин, на конференции Организации Союза Ученых Мира, объявил о начале работ над очисткой и укреплении ДНК человека путем его искусственных изменений и дополнений. Тем самым дать человечеству еще один шанс. Спустя два года скрупулёзной работы научных лабораторий генетики и биологии всего мира, результаты превзошли все смелые ожидания. Дети, выращенные из «пробирки» с участием передовых биотехнологий, были на несколько порядков сильнее, выносливее, гораздо умнее и абсолютно не восприимчивы к вирусам и болезням. Однако самым ценным было, это способность «новых людей» к наследственной передаче «супергенов» своим потомкам естественным половым путем. Весь ученый мир ликовал от триумфа! Человек теперь мог снова зазвучать гордо! Спустя тридцать лет, следующее поколение оказалось гораздо плодовитее предыдущего и уже к пятнадцатилетнему возрасту, являлось полностью развитым половозрелым человеком. Разница между «старыми» и «новыми» людьми была настолько велика, что большая часть человечества, объявила «новых» людей мутантами, и во многих странах началась видовая генетическая дискриминация. Частые междоусобицы между представителями видов, переросли в полномасштабную войну, охватившую весь мир. Применение массированных ударов ядерным, бактериологическим и всевозможным химическим оружием, уничтожило до семидесяти процентов населения планеты, а огромные территории Земли, стали не пригодными для жизни. Это событие вошло в историю человечества, как «Черный день». Выжившие представители фауны планеты, попав под аномальное воздействие зараженных территорий, изменились практически до неузнаваемости. Выжили только сильнейшие. История начала новый отсчет времени.

Год 76 после «Черного дня», наши дни.

1

Всегда перемена места жительства нихера хорошего не приносит! Вот и наш папаша прет нас в далекие ебеня. В деревню ему видите-ли захотелось! Даром, что мама в больнице с херовым диагнозом, ну да похер, прет. А панорама за окном все херовей и херовей. Ну да, Вам смешно, Вы в благоустроенной квартире, а тут блядь на права глянешь-говно, налево-еще говно! Под ноги, грязь! Ебать- колотить! Тут еще эта старшая сестрица такое ебло скукожила, прям восторг у нее суки. – Глянь! – говорит, -Небо какое! Прям как море, синее – синее! – Ну нахуй, пока едем, спать пойду лягу.

Ага, прибыли наконец то! А домик то ничего, побольше от нашего будет, но первое впечатление сами знаете, обманчиво. Что ж глянем, глянем...

Грязь блядь, грязь везде сука, ебать! А эта цапля, сестрица моя, босиком пездыхает по полу и прям как мантру читает: – Вот приберемся, приберемся тут, и заживем!

Заживать она тут сука собралась, видел я уже соседского паренька, что поглазеть на нас, новоселов прибежал, так эта дылда ему таких глазок настроила, что он чуть со штанов не выпрыгнул. Ну хуй с ними, не до них сейчас. Обана, да это же чердак! Лезем!

Ну пыль, старая мебель, окно, лучи солнца преломляясь от грязного стекла, играют на полу солнечными зайчиками. А это че за нихуясебе! И там, и под шкафом! И до хуя то их! Бегают прям как мыши, даром что черные, круглые. – Че за нах? Кто блядь такие? Пойду у старшОй спрошу, че за зверье такое.

Сестра уже в «позе зю» херачит тряпкой полы, как услышала про хуиту на чердаке, ржала как цирковая лошадь бля, сказала я глупый и не знаю, что это просто пауки такие, живут в пустых домах там, где пыль и грязь. Не кусаются вроде. Боятся чистоты. А вот это уже полезная информация, пойду ка я их

веничком разьебу! Ну не видел я ни разу этих самых пауков, и че теперь ржать с меня? Сама она пизда тупая!

Вот уже и вечер, «лошадь» на всех порах умчалась к соседскому пареньку на свидание, папаша, тоже запропастился в какие-то ебеня. Ну а я, вполне себе нихуйственно с чашечкой чая на чердаке, ну типа обживаюсь. Ах да! Я ведь Вам не сказал, что я приемный ребенок? Вот ведь бядь!

2

Так и есть, год назад меня усыновил этот долговязый чудака, когда мне было десять, ну или двенадцать. Что-то около. Пришел такой очкастый хуй в Детприемник, смотрит из-под своих стекляшек то на меня, то на соседа по нарам в бараче Детприемника, и лыбится сука. Ну думаю пиздец нам, сто пудов с борделя какого за свежим «мяском» пришел. За малым не вцепился я зубами этому пидору в рожу, думаю будь что будет после, но очком торговать ради тарелки похлебки, я не стану! Пусть хоть прирежут после. Лучше уж сдохнуть, хуй им! Разозлился прям, кровь закипела, в ушах шум, зрение обострилось. Ну сука, дай повод! Ну протяни ко мне руку, давай! Мой взгляд сфокусировался на его пульсирующей яремной вене, время как обычно замедлило свой бег, муха, летящая вдоль окна, повисла в воздухе и как сквозь масло стала потихоньку плыть в воздухе. Звуки практически исчезли. Лишь было слышно стук сердца этого типа и слегка тише стук сердца моего соседа по нарам. А я могу быть очень быстрым! Ну...? Из этого состояния меня словно выдернуло, как ледяной водой окатили. Краем слуха, я отчетливо услышал шепот Хозяина приемника. Сказал, что компенсирует содержание, сказал усыновить хочет.

-УСЫНОВИТЬ?!

Я возвращался в обычный ритм времени.

-Усыновить... – видимо я повторил это слово вслух, это самое неправдоподобное, самое волшебное, самое НЕНОРМАЛЬНОЕ при нашей жизни слово. Бля...

-Да, усыновить! – повторил этот человек за мной, и улыбнулся.

-Хуясе! Ебать! Как? – видимо я это выкрикнул ему в лицо. Потому, что его передернуло и он опустил взгляд, после короткой паузы снова решительно посмотрел мне прямо в глаза и совершенно серьезно сказал: – Вот так! Ты тот, кого я искал. Собирайся. Тебя ждут дома.

Пиздец. Нет, это полный пиздец! Такого просто не может быть! Я скорее поверю в то, что один ебанутый старикан, пытался нам, детворе, втемяшить, что давным – давно, собаки не охотились на людей, а были раза в два меньше и жили с людьми в их домах и выходили с ними на прогулку! Мы тогда ржали до усеру с этого дебила, а потом Слон ебнул ему рантом сапога под кадык, и пока этот еблан корчился, мы его качественно обчистили. Правда и «улов» с него был не велик. Да и хуй с ним, такого придурка просто так отмудохать и то, в радость!

-А кто еще ждет? И нахуя ждут? – осипшим от бури противоречивых эмоций голосом, спросил я. А ведь и правда, схуяли там меня ждут? Я тамошним, этим, кто? Они ведь даже не знают ни хуя обо мне...

-Как придём, все узнаешь! – уже совсем весело сказал этот тип мне и подмигнул. – Ты собирайся, вон с друзьями попрощайся, а я пойду за тебя с Хозяином порешаю.

Ну хули, я как во сне замороженно, подхожу к Ваське Жмыху, соседу моему, обнимаю его, пездую до Слона, тоже обнимаю. – Ну говорю, прощевайте братцы что ли?

Слоняра аж засопел через свой нос-хобот. А Жмых начал стучать рогами по металлической стойке нар. Так ни хуя не проронив не слова, эти уроды, мои закадыки, стали громко выть каждый на свой лад. Так я и вышел со двора почти родного Детоприемника, под аккомпанемент вокала моих друганов, в чем был, с этим чудаком. А хули, все что на мне, то и есть мое имущество. Не богат, хех!

-Звать то тебя как? – спросил мой новый... опекун.

-Чего? А, а че Хозяин не сказал? – я с трудом отогнав назойливую мысль о невероятном случае в моей судьбе, попытался вникнуть в суть разговора.

-Он то сказал, но я хотел сам с тобой познакомиться, понимаешь?

-А, ну Сыч. Сыч меня зовут. Вот! – я посмотрел ему в глаза. Нет, не заржал, даже краем губы не дернул!

-Очень приятно! А меня Семен.

-Угу.

-Че угу то?

-Ну понял, Семен. Очень приятно! – повторил я его реплику.

-Ну вот и знакомы! – обрадовался Семен и сделал такую торжественную мину, как будто только что свершился какой-то особенный ритуал.

Между тем, миновав засеку и пост охраны, мы вышли за город и теперь вокруг куда ни глянь, была степь.

-Далеко идти нам? – спросил я, глядя в даль. Дорога, по которой мы шли упиралась в горизонт.

-Часов пять, до вечера точно будем дома.

Я прикинул в памяти, на сколько знал местную географию. Ну если мы вышли из Южных ворот города, и будем идти прямо, то за пять часов, доберемся до Дмировка, а если будем уходить правее, то до Савура, но это же гораздо дальше! Я решил поделиться своими выкладками с Семеном.

-Ого! Голова! – радостно присвистнув, потряс он мне руку и улыбнулся. – На Савур идем.

-А ночевать в поле? – я с недоверием покосился на него. Зная не понаслышке местную фауну, ночевать на открытой местности, самый верный способ самоубийства.

-Не переживай, нас на машине подвезут. – выдал Семен, и продолжил как не в чем не бывало топтать дальше.

-Чегоо? – видимо мои глаза от услышанного запрыгнули на макушку. Шутить дядя изволит, машин уже хуй знает сколько лет нет! Нахуй так? Вроде нормальный мужик, и такую хуйню сморозил. Пиздец.

-Так и есть. На машине! Да не пучься ты так! Вон аж глазища на лбу! Есть, есть еще машины! И у моей дочери, как раз одна такая на ходу.

Меня аж выкрутило. – Слушай Семен! Давай на чистоту! Хули ты мне тут байки ебешь, нахуй я тебе, вам, там всем всрался, а? Если у тебя и дети уже есть, и еще блядь машина, хотя не факт! И еще хуй знает какие сюрпризы меня ждут?

-Дурак! Сына я всю жизнь хотел, а жена дочку родила и не может больше рожать, заболела серьезно! Вот мы и решили скопить денег и усыновить мальчика! Мне ты уж очень, глянулся. Понял? – выпалил он на одном дыхании и пошел так быстро, что я стал еле за ним поспевать.

-Семен, ты это слышь, прости, а? – догнав его я поравнялся с ним.

-Да ладно, че тут... – он махнул рукой и мы пошли дальше.

-Семен, скажи, а сколько ты за меня Хозяину заплатил? – задал я мучающий меня вопрос, с самого выхода из Детприемника.

-Три.

-Чего три, серебром три?

-Нет конечно, золотых три.

-Хуясебе! Наебал тебя Хозяин, Семен. Это же целый месяц что хошь можно жрать, что хошь покупать! – злорадная улыбочка на моей роже, наверное, поползла к самим ушам, обнажив белые, острые зубы с небольшими клыками.

Семен остановился и обернувшись ко мне, одним вопросом вернул мое ебало в охувший и растерянный вид: – А ты что, гораздо дешевле?

–Б... бля! Нет! Не-не-не! Я дороже! Я сильный, быстрый, я СОБАКУ убить могу голыми руками! Я бежать могу сутки и не уставать! Я десять, нет, двадцать золотых стою! – видимо я так сильно при этом жестикулировал, что Семен сделал два шага назад от меня подальше.

–Вот и молодец. Если себя сам не уважаешь, тебя никто другой уважать не будет! – подмигнул мне он, и протянул руку для рукопожатия. Я тогда с удовольствием пожал ему руку, было в нем что-то такое настоящее, сильное, что ли. А эти его слова, запомнил на всю жизнь. Они стали моим первым правилом в жизни.

3

Запах воздуха, что попадал на МОЙ чердак из открытого настежь окна, смешивался с запахом хорошего чая в эмалированной кружке, и создавал непередаваемый букет ароматов степных трав, особенного запаха июльской теплой ночи и пения сверчков. Блядь, а ведь мне тут определённо нравится! Сейчас чай допью и будет самое время прошвырнуться по здешним лесам, поохотиться! Я же мутант. Я Вам не говорил? Вот ведь блядь!

Родился я в этом же городе под названием – «Город». Никто уже и не помнит, как он назывался раньше, ну Город и Город. Мамку мою я отродясь не видел, а за отца и речи нет. Да и не особо нынче люди живут семьями в таком понятии. Сейчас Семья, это целый клан. Иные кланы насчитывают до ста человек, и каждый знает и исполняет свои обязанности. Ну кто в охране, кто в огородах, кто плотник, кто на что горазд в общем. А вот ремесло кузнеца, это особый разряд, этому учат много лет и таких на тысячу один. Если ты кузнец, то тебе в любую семью путь открыт. И сыт будешь и одет. Еще воины в цене они же и охотники. Есть еще всякий разный люд, живущий по отдельности от семей. Ну эти в основном бродяги, есть еще торговцы и естественно бандиты, ну как же без них! Хех!

Видимо рожден я был не в клане, а так, как и многие другие дети, от шлюхи или другой залетевшей девки, что не может содержать ребенка. А собственно моему папаше, я и подавно нахуй не впился. Ну да и хуй с ними. Если они живы, и то хорошо. Вот так бы и валялся в канаве голым карапузом, пока крысы бы не нашли. Дальше сами знаете, весь сказ. Но в древние времена, еще во времена

всяких машин, произошло нечто, что навсегда изменило человечество как вид «одинаковых». Это же блядь представить себе не могу, как так? Вот ходят по улице одинаковые мужики, такие вот болванчики, только рожи разные и пиздец! А бабы? Ох блядь! Поверил бы, если б сам такое увидел. Вот сейчас каждый по-своему горазд, ух! У кого силенок хоть отбавляй, кобылу взрослую на себе носит. Кто в темноте все видит, вот как я, например. Или баба, что может сразу пять-шесть деток родить и то! А раньше говорят одна баба могла в год, только одного карапуза родить. Ебать, это как же тогда им всем пиздец не пришел? Тут вот бабоньки по три ублюдка каждые четыре месяца рожают, а людей все мало. И один хер большинство не дотягивает и до десяти лет, зверье всех вырезает. Тоже небось пездежь про баб то, ну тех, что раньше были.

Вот так, охотясь на крыс и мышей, я подрос и окреп. Городская помойка и старый заброшенный водосточный коллектор были моими яслями и детсадом. Потом меня, малого звереныша, изловил Пак. Как он смог подкрасться ко мне незаметно, и набросить на меня мешок, не пойму. Я его не «учуял» рядом! Обычно я вот «чую» живность. Не обонянием, нет! Вот знаю и все тут, что за углом человек или за стеной сидит собака. А его нет. Так и попался.

Пак, плоская рожа, да будет ему городская помойка пухом, не был плотником и уж тем более не был кузнецом. Сам он себя называл «Деловой человек», при этом на его заросшей черной щетиной морде, проступала гаденькая такая ухмылочка, чуть обнажая гнилые зубы. Сам он, как мне рассказывал, был родом с Востока, его внешность сильно отличалась от здешнего народа. Был коренаст и не высокого роста, но самое главное отличие, это его узкие раскосые глаза. Бывало смотрит на тебя через свои щелочки, и хуй поймешь, толи рад, толи сейчас въебет тебе в морду кулаком за какой ни будь косяк. А косяков поначалу, с моей стороны, было ох как дохуя!

4

По началу, Пак держал меня в железной клетке, и кормил разной хуетой, толи ради эксперимента, толи ему просто было прикольно смотреть как я сожрав кусок хлеба, блюю в углу клетки и харкаю. Тогда выяснилось, что никакая пища мне не подходит, кроме так сказать «натуральной». Жрал я только свежее мясо. Ну мог и не свежее сожрать без последствий. А вот пить, я мог все что угодно. Даже так полюбившийся мне с детства, чай, черный-байховый. Пак пил именно

такой, когда не пил самогон местного производства. Давал и мне. Мы садились с ним за стол на деревянные табуреты пили чай мелкими глотками, и разговаривали обо всем.

Пак учил меня «работать», то есть шнырять по карманам в Толкучке, так назывался наш городской рынок. Учитывая мою скорость и реакцию, «рабочий» из меня вышел знатный, профессионал прямо! Чтобы не схлопотать в морду, я должен был приносить своему опекуну, не менее двух серебряников в день, ну или аналогично всяким другим добром. Остальное все себе. Хотя при нашей жизни у горожан было не густо и наворовать сумму более солидную, чем в два серебром, почти никогда не удавалось. А иногда приходилось и свое докладывать. А Пак бил сильно, нет не просто сильно, а охуеть как сильно и охуеть как быстро! Даже с моей реакцией, я пропускал больше половины ударов.

А еще Пак любил чистоту. В его небольшой хибаре, всегда, сколько я помню, было чисто и все его вещи лежали на «своих» местах. За оставленный где попало свой бушлат, можно было никуево схватить в рыло. А о брошенных в сенях, невытых сапогах, получив по зубам, вооружиться тряпкой и прочим полагающимся инвентарем, выдраивать всю хибару до блеска. Причем иногда, когда у Пака было хуевое настроение, мыть все дважды. Эта брезгливость к грязи и беспорядку, передалась и мне, путем болючих затрещин и зуботычин. Но я ему за это даже благодарен. Самому приятно, когда чисто и порядок.

Особенным предметом нежной и трепетной любви Пака, была небольшая, стеклянная фигурка черного лебедя. Каждый вечер, когда Пак садился у камина попить чай, он доставал ее из своего старого комода, разворачивал ветошь и любовался этим своим лебедем. На мой вопрос, о таком странном онанизме на кусок черного стекла, я удостоился только фразы, что это «память», и меня, выблядка, не должно это ебать вовсе! Да и похуй, тоже мне цаца какая, пусть тербит этого «черного гуся»! Не очень-то и надо!

Зимой, когда особо делать было нехуй, Пак учил меня читать и писать. Причем методика моего обучения, была аналогична уборке. За что тоже как бы спасибо, мир его праху!

Со временем, в добавок к чтению и письму, я освоил квалификацию «домушника». И теперь наш с ним прожиточный минимум начал повышаться. Пак вставил себе новые железные зубы, а я прибарахлился кожаной курточкой,

прочными штанами и предметом черной зависти моих уличных закадык, кожаными берцами. Моя жизнь вообще стала прекрасной, когда во время незваного визита в чужое жилье, я прихватил добротный, явно не кухонный нож. Скорее кинжал. Он сам прилип ко мне в руки. Длинное, семнадцатисантиметровое вороненое лезвие, прочные упоры и удобная при любом хвате, пластиковая рукоять. К нему еще забрал кожаные ножны с петлей для ремня. Вертеть и махать ним, на заднем дворе нашей хибары, я мог часами. Я так полюбил этот нож, что ложась спать, всегда клал его с собой под подушку, за малым не желая ножу спокойной ночи. Теперь я понимаю Пака, и его лебедя! Даже странно, что алчный Пак, тогда у меня его не отобрал, хотя и видел не раз.

Однажды Пак, неведь от куда, притащил старое зеркало. Сказав, что заплатил за него дохуя, и если я его разобью, то он будет пиздить меня до усерачки каждый раз, когда захочет в него посмотреться. Урод блядь...

Вечером Пак ушел по своим «делам», и я тут же сунул свою репу в это зеркало: На меня смотрел пацан, лет десяти, с огромными темно-карими, почти черными, лишенными белков, глазами. Бледное, худое и скуластое лицо, прикрывала копна прямых черных волос. Вперед торчал как флюгер, большой острый нос с горбинкой. Нижняя часть лица, плавно переходила в большой рот с тонкими бледными губами и оканчивалось острым подбородком. А теперь улыбочку! И картина резко приобрела жутковатый вид, явив в отражении ровный ряд острых, акульих зубов с небольшими клыками. В прочем я остался крайне доволен своей внешностью. И без отлагательств, продолжил изучать себя. Ровное, «поджарое» тело имело бледный, слегка сероватый оттенок. Небольшие, но тугие, как канаты мышцы, оплетали каждый сантиметр, и заметно бугрились под кожей. Я спустил трусы, и ехидно ухмыляясь, стал демонстрировать перед зеркалом, свое, как мне тогда казалось, – «нихуйственное достоинство»! Видимо сильно увлекся, и проебал возвращение домой Пака. Он стоял сзади меня и закипал, краснея прямо на глазах!

–Ах ты ебаное, мелкое, дровичло! – взвыл мой опекун и сжав кулаки, начал лупить меня по чем попадал.

Потом, закончив воспитательный час, спрятал зеркало в комод и заявил, что самолюбие – это огромный порок! В моем случае клинический. Хотя сам, регулярно разглядывал свое ебало в этом блядском зеркале.

Все изменилось, весной.

Я отсыпался после ночного «рейда» в своем углу, Пака не было дома и мне вовсе не хотелось вставать с моего топчана, когда я почуял ЧУЖОГО! Чужой человек, подошел к дверям нашей хибары и стоял, не решаясь войти. Вообще у нас никогда не было никого постороннего в доме. Пак гостей не жаловал, и мог просто пальнуть с обреза через входную деревянную дверь, а после выйти и поглядеть, кого это угораздило постучаться. И правильно делал! Потому, что обычно приносило разную хуету, вроде бродяг, попрошаек или грабителей. Да и не принято у нас в городе, по гостям ходить. Ебатеньки! А ведь Пак, под «страхом смерти», запретил трогать обрез! Нож! Есть же нож! Секунда, и я с ножом наготове, возле двери. Там молчат и я лихорадочно обдумываю что дальше делать, даже вспотел весь! Неожиданно замок на двери щелкает, я сжимаюсь будто пружина, дверь открывается и входит... Пак!

Я, еще не осознав того, кто передо мной, машинально делаю прямой удар ножом. Чудом, лезвие утыкается в деревянный ящик, который тащит под мышкой мой опекун!

Я оторопел, мое тело одеревенело, отказываясь мне подчиняться! Все исправил Пак. Охуев от моей атаки, огромный кулак, обрушился на мою родную голову с такой силой, что я отлетев на добрых два метра, отключился.

Сознание пришло также мгновенно, как и отключилось. Просто раз, и дали свет! Первая мысль в моей голове, -почему голоса в комнате все-таки два? Один знакомый хриплый и проглатывающий букву – эл, голос Пака. А вот кто второй? Гость? Схуяли у нас теперь гости?

Ну правильно! Я почуял чужого человека, а Пака, я так никогда и до этого не чуял. И чуть не уколошил. Вот было бы забавно, заходишь в свой дом, а тут хуяк, и весь ливер, наружу!

Видимо в тот момент, по моей роже, поползла ухмылка. И Пак, заметив это проскрипел своим пиздопротивным голосом: – Эй бля, убивец недоделанный! Хорош бока отлеживать! Вижу, что очнулся! Давай бля, поднимайся! С учителем твоим познакомлю!

-Чегоо, блядь...? С кеем?

Поднявшись с топчана, и потеряв ушибленную челюсть, я подошел к столу и мельком глянув на гостя, уставился на Пака в ожидании.

-Вот познакомься, это твой учитель, зовут Кол. Пора тебе расти, повышать так сказать, квалификацию! Я ему кучу бля денег за науку отвалил, будет месяц тебя учить ножичком махать. А то вишь, днями машешь, воздух режешь, а толку ноль! Только и можешь ящички бля дырявить! Да людей пугать! - Пак поставил чайник на печь. -Сейчас чайка заварю, потолкуем, ты с человеком познакомишься. И гляди у меня бля, не научишься, выгоню нахуй, будешь жопой долг отрабатывать мне!

Вот оно как, неспроста Пак кинжал у меня не забирал! Да я не то, что учиться, я буду так учиться! Лучше всех учиться буду! У меня снова рожа растянулась в улыбке.

-Да ты не лыбься, семь потов с тебя сойдет!

-Да хоть восемь блядь! Я смогу! - я было набрал воздуха, чтобы продолжить, но меня прервал гость.

Он повернулся ко мне, и блеснув на свету желтыми глазами, начал говорить таким каким-то тихим голосом, но в тоже время этот почти шепот проникал мне прямо в голову. Мне оставалось только сесть и отвечать на его вопросы.

-Сколько лет?

-Где-то десять.

-Вес?

-Где-то тридцать кило.

-Мутации?

-Чего? – мои глаза поползли вверх.

-Мутации, это особенные способности такие. Что есть у тебя?

-А! Эта... В темноте все вижу, могу быстрым быть, могу пролезть куда хошь! Ну в окно или дымоход там... – я стал загибать пальцы.

-Людей убивать приходилось?

-Ну было пару раз...– че-то даже смутился я как-то, сдулся прям!

-Кого и как давно это было?

Я мельком глянул на Пака, тот лишь молча кивнул, разрешая рассказать.

-Ну в прошлом году весной, мужичка одного придушил. Он пидор, не хотел мешок свой отдавать. И бабу одну неделю назад прирезал, чтоб она сука крик не подняла, когда увидела, что я к ним в хату лезу. Думал никого там, ан- нет! Встала ночью и шарится по дому. А тут я! Ну и пришлось...

Кол хлебнул чаю и прикусив кусочек сахара, продолжил: – Ты сказал к «ним» в хату лез. Кто-то еще там был?

Я заерзал на табурете.

-Ну, говори! – вклинился Пак, пододвинув к гостю блюдечко с сахаром.

-Да, были! Две девочки! Дочки ее! – выпалил я и стиснул зубы.

-Ну? Что? – Кол повернулся ко мне, и две пары глаз, включая Пака, уставились прямо на меня.

-Они проснулись, когда я резал тетку, она громко бухнулась на пол. А в хате всего одна комната и они спали у противоположной стены. Проснулись, в хате темно, начали мамку звать, а я их... В общем тоже зарезал! – я стух, реально стух, и опустил голову.

-Ебать-копать! – Пак даже подпрыгнул на табурете.

Ну думаю все, пиздец мне. Вон опекун мой аж побледнел весь.

-Подходит! – прервал паузу Кол.

-А...? Че? – слова гостя проходили ко мне словно через вату.

-То, что ты не оставил свидетелей, это правильно. То, что ты смог убить бабу и детей, значит, что ты можешь идти до конца. А это мне нравится. И значит, ты мне подходишь!

Пак, все это время, теребивший в руках пустую кружку, шумно выдохнул и улыбнулся.

-Вот и ладушки! Чаю еще? А мож по сто грамм? Или покушать?

Блядь, на Пака было противно смотреть, он вел себя так, как будто ему объявили помилование, прямо перед самым повешением. Видимо этот Кол совсем не прост, ох как не прост! Позже, я спросил у опекуна, о таком странном подходе к оплате за обучение. На что пребывающий в хорошем настроении после изрядной дозы спиртного Пак, мне все разъяснил. Оказалось, что этот Кол, со своими охуенными придурями, но нельзя с ним шутить. Сразу берет немалый задаток, но если ему что-то не по нраву, мало того, что денег не вернет, живым оставит, и то огромная удача. Хотя, наверное, лучшего учителя не сыскать.

6

Кол, отказавшись от самогона и жратвы, внимательно изучил мой кинжал. Кивнул сам себе, видимо удовлетворившись моим оружием, предложил выйти во двор и продемонстрировать мое, как он назвал «фехтование». Ну я горазд ножиком махать! И снизу, и сверху! И бля с колена! Даже лежа на пузе ебашу! О какой я «фехтовальщик», епта! Пак даже присвистнул от моих «художеств». А вот Кол все больше морщился. -Завязывай эту хуиту! Хватит! – окрик гостя заставил меня замереть. Пак тем временем переменялся в лице и скрылся в снях.

-Иди сюда!

Я подошел.

-Тащи сюда вон ту колоду! – Кол указал на короткое бревно, что лежало у сарая.

-Вот, хорошо, теперь привяжи его вон к тому дереву, так, чтоб могло раскачиваться. Да, правильно, вот так!

Затем Кол показал мне два удара, прямой и сбоку рубящий. И заставил так бить колоду пока не станет получаться правильно.

Я не помню, когда я лег спать, была уже поздняя ночь или раннее утро. После разученных еще двух ударов, невыносимо болели руки. Пальцы сводило судорогой, все мое тело ныло и болела голова от затрещин учителя.

Прошло две недели, я спал в сутки от силы по четыре часа. Кол постоянно был со мной и днем и ночью. Колоды висело уже три, нож просто танцевал в моих руках. Руки и ноги уже не болели. Затрещин учителя становилось все меньше, в то время как глубоких отметин на колодах, становилось больше.

Пак иногда заходил к нам на задний двор и интересовался, чему уже научилась «его инвестиция».

На исходе двадцатого дня, я повесил пятую колоду. Кол заставил меня повторить комбинацию из пяти ударов, посмотрев одобрительно хмыкнул и заявил: – Нам нужен труп.

-Какой блядь труп? – я подошел к нему и присел рядом на лавку.

-Свежий, почти живой. Мужик или баба, похуй.

-Нахуя? – я не врубался, ну нахер труп здесь?

-Анатомию изучать будешь!

-А-на-то-ми-ю – повторил я по слогам неизвестное мне слово.

-Анатомия – это знание внутреннего устройства человека. – уточнил учитель. – Чтобы ты точно знал, как и куда бить ножом, чтобы быстро и бесшумно убивать.

-Угу, и где нам этот «свежий» труп взять?

Кол растянул губы злорадной улыбкой: – А вот это и будет твое первое задание!

Ну и где я ему в полдень труп найду? Разве что самому кого-то грохнуть. Кого? И как его волоочь сюда по улице? Хуй знает... Размышляя я вышел на улицу. Соседских ебашить нельзя, сразу вой поднимут. Бродягу какого? Точно! Бродягу или шлюху! Их то искать никто не станет! Допустим шлюху я в полдень скорее всего не встречу, а вот алкаша какого-нибудь... Точно бя! Срочно нужен синяк какой-нибудь! Где? Ясно бя где, у лабаза! Там самогон на разлив продают, и эти ханурики все туда сползаются.

Я повернул на улицу, ведущую к магазину.

Хорошо, а как его там резать? Мне всех там их резать, чтоб шум не подняли? Не, не вариант! Что же придумать то?

Я подошел к магазину со странным названием «Прибой», написанным красной краской на ржавом листе жести. Местная «алкопублика» оккупировала левый торец магазина. Там через маленькое окошко разливали самогон. Так и не придумав способ заполучить свежего покойника, я подошел к нестройной шеренге «любителей градуса».

-В очередь сука! – заявил один бдительный алкаш.

Тут же начали кланчить монету на опохмел: – Молодой человек! Молодой чел..овеек! – ко мне вплотную прилип один длинный тип. От него пахло ядерным выхлопом недельного запоя. Через копну засаленных волос, было почти не разглядеть глаз. Его явно трусило с глубочайшего бодуна.

-Молодой челов... вы понимаете, тут ттак-такое дело, у меня мма-ик-ма болеет! Очень нужно нна лечение, выручайте!

-У меня с собой нет денег. Отвали! – я решил отойти подальше от этой публики. Заебут клянуть!

-Ну может у вас дома чего есть, мне бы только маленькую монетку! – перешел на скулежь этот тип. – Ага делать нехуй тебя домой волочь! Да пошел ты на... – СТОП! Обана, вот оно!

-Да, у меня дома как раз завалилась монетка для вашей мамы. Пойдемте со мной ко мне, и я ее вам дам!

Главное не улыбаться, не-то еще обсерится и передумает свою «маму лечить».

-А вы не обманете? Молодой человек, это правда, да? Вы ведь честный человек? Не ограбите? – тип сам поволок меня через улицу, не в том направлении.

-Конечно же это правда! У меня там есть монетка! Только нам в другую сторону!

7

-Пойдемте сразу на задний двор, у меня опекун строгий, увидит деньги, сразу отбирает, поэтому я их прячу в сарае! Да, только вы тихонечко! Он скорее всего дома, и спит.

-Конечно, конечно! Молодой человек, Вы даже не представляете, как вы меня выручи...- «свежий» труп с перерезанным горлом, свалился на солому, едва переступив порог сарая. Сзади ко мне подошел Кол: – Зачет! Я уж подумал, что ты готовый труп приволочёшь, а ты во как! Заманил?

-Угу, он на бухло купился! – мое самомнение заполнило все пространство сарая.

-Где? – Кол уставился на меня своими желтыми глазами.

-Че где?

-Где ты его подобрал?

-Ну у магазина, где самогон на разлив. Там этих мокриц дохуя терлось. А че?

-Хуй через плечо! - учитель пулей вылетел из сарая.

Солома под головой трупа уже начала напиться красным. Я стоял и чесал макушку, когда в сарай влетел еще один ханурик, а следом заскочил Кол, и наподдав еще живому мужичку, захлопнул за собой ворота. Мужик пролетев метр и споткнувшись о труп, растянулся на соломе. Кол не останавливаясь схватил меня за горло и придавил к стене сарая. - Запомни сука, раз и на всегда! Всегда смотри, чтоб за тобой не было хвостов! Чтоб ты блядь не делал! Хоть в сортир идешь, хоть на хуй! Глаза чтоб блядь на затылке отрастил! Понял меня? Тварь тупорылая! Понял?

Мои ноги стали отрываться от пола. Хватка была такой силы, что я засучив ногами, стал драть ногтями деревянную стену.

-Д...да понял. Понял! - прохрипел я уже не видя ничего перед собой.

-Громче!

-Понял! - заорал я что есть мочи, выдохнув последние остатки воздуха.

Кол разжал руку и я сполз на солому, не в силах толком пошевелиться. Меня начало рвать.

-Особенно вот такие ушлепки! - он указал пальцем на сидящего в соломе трясущегося от страха мужика. - Эти твари как крысы! Куда одна алкашная крыса, следом сука и другая! Вдруг и этой твари перепадет! Да? - Кол буцанул ботинком едва живого от страха алкаша. Тот судорожно потряс головой.

-Ты понимаешь, что бы было, если бы эта тварь, узнала про сарай и нас? Нихуя ты не знаешь. - Кол присел возле меня.

Я уже отошел от удушья, смог перевернуться на спину и отталкиваясь ногами, сел опершись спиной о стену. - Знаю, он бы разболтал. - слова давались мне с трудом. Хуясе силища у учителя.

-Правильно! И разболтал бы, кабы не дядя Кол! Но нам, этого не надо. Верно? Не надо? – Кол повернулся к мужичку. Тот, не зная, что ответить, затряс головой во все стороны.

-Свяжи его и заткни ему кляп! Пускай поживет пока. А я пойду осмотрюсь. – Кол вышел из сарая и плотно прикрыл за собою дверь.

8

Солнечный свет, проникая в расположенные под крышей сарая окна, освещал двух людей, склонившихся над столом. Один человек был мужчиной средних лет, высокого роста, стройного, слегка худощавого телосложения, одет в добротный сделанный на заказ комбинезон из кожи темного, цвета. На его плечи был накинут плащ из той-же кожи, что и комбинезон. Картину завершала абсолютно лысая, вся покрытая шрамами голова. Второй, вовсе ребенок, лет десяти- одиннадцати. Невысокого роста, худой как жердь. Одет был в плотные штаны, шитые из мешковины серого цвета. На голый торс, была надета штормовка с капюшоном из того же материала, что и штаны. Голова мальчика представляла собой нечесаную копну из черных длинных волос. Взрослый что-то постоянно рассказывал младшему, указывая ножом на определенные места, малец внимательно слушал и утвердительно кивал на реплики старшего. В углу сарая сидел еще один невольный участник сцены и тихонько подвывал от страха. На его грязном, покрытом испариной лице застыла гримаса непередаваемого ужаса. С уголка рта заткнутого кляпом, стекала тонкая струйка слюны. Руки его были крепко связаны за спиной.

На импровизированном столе, сложенном из деревянных ящичков, лежало полностью лишенное кожи человеческое тело.

-Вот смотри, это сухожилия, они служат для соединения мышц с суставами. Порежешь их, и он уже не сможет двигаться. – Кол поддел ножом бледно-желтую полосу, уходящую от мышцы к кости. – Вот так, можно отделить кисть от руки. – Продолжая урок, учитель медленно сделал два разреза и кисть со снятой кожей, осталась в его руке отдельно от тела. – Пробуй сам на другой руке!

Я обойдя труп некогда бывшего алкаша, потянул кисть и прицелившись, резанул. Пятерня трупа отлетела под ноги едва живому от страха пленнику. Тот взвывая дурниной, и напустил под собой лужу.

-Хорошо! Также и локти, и стопы, и колени. Режь!

Я закусив губу от усердия начал стараться. Спустя некоторое время, все конечности были отделены от тела и по настоянию учителя, сложены рядом с торсом трупа. Я, увидев обрубок туловища с головой и хуем, прыснул со смеху в кулак.

-Ты мля не ржи! А учись, показываю раз, больше повторять не буду! -Кол взял в руки отрезанную ногу. - Видишь вот тут как бы трубка?

-Угу.

-Это артерия, главный кровоток. Перережешь ее, и он быстро истечет кровью и сдохнет. Ясно?

-Угу!

-Че ты блядь угукаешь прям как сыч? Ты понял, нет?

-Угу, понял! - я поднял на учителя глаза.

-Слушай, а как тебя, мля, зовут? А то все вожусь с тобой который день, а имени твоего не знаю. - Кол бросил на стол отрезанную ногу и вытер руки о тряпку, что весела на гвозде у стены.

Я задумался. А ведь правда! Не считая того, как меня называл Пак, то выблядком, то соплей, то зверьком, выходит, что и нет у меня имени вовсе! Не может же мое имя быть - «Блядский выблядок» или «Мелкий пидор».

-Нет у меня имени...- сказал я, опустив голову.

-Как, так? Нету? - Кол поморщился и стал меня сверлить своими желтыми зенками.

-Ну может и было, только спросить не у кого. Сирота. А Пак, ну ты сам слышал, как меня называет!

-Это даа! С таким имечком как дает Пак, и жить то нехуй! Хех! Ну а друганы твои как тебя погоняют?

-Нету у меня друзей...- я опустил голову и почесал затылок.

-Ну пиздец! Вот век живи, -век охуевай... А чего так, что нет?

-Был один в том году, дружили типа, монету у меня спиздил. Я его загрыз. - я потупил глаза и медленно облизнул верхний ряд острых как бритва зубов.

-И правильно! Нехуй крысятничать! Да не парься ты, разве то друг? Крыса! Сдох и хуй с ним! А друзей, слышь! Друзей говорю, заведи! Не таких конечно, а чтоб полезные были!

Я поднял голову с непониманием уставился на учителя.

-Ну вот смотри. - продолжал Кол, - Вот идете вы «на дело», надо тебе чтоб на «шухере» кто постоял, а он постоит! Или вот был случай: Идешь ты с другом, в путь дальний, а жратвы у вас уже нету нихуя, и еще очень долго не будет! А друг, это около шестидесяти килограмм чистого мяса, плюс три-четыре литра крови. Причем он уже рядом! Смекаешь?

-Угу! А че правда друга ел? - мне стало чуть не по себе.

-Не, не! Не ел я его! Ты что! Только кровь его пил! - Кол замахал руками перед собой.

-Ебаать...

Кол улыбнулся, показав ровный ряд белых зубов. - Голодуха припрет, и не такое сделаешь!

-Про пользу дружбы ясно?

-Угу.

-Надо бы тебе погоняло, ну имя какое-то приспособить! А то негоже «выблядком» да «соплей» как-то. Слушай, Пак тебя малого карапуза, правда на свалке поймал?

-Угу!

-А что ты там жрал, помои? – Кол прищурил глаз.

-Нет! Мне от помоев хуево, не жру я такое! – я поморщился, вспоминая жизнь «до Пака». Странно, ведь совсем малой был, а помню все.

-Ну, жрал то карапузом, че?

-Сначала червей всяких, потом мышей стало получаться ловить, а когда подрос, крыс ловил. Вкусные! – я мечтательно зажмурился представляя, как хрустит под зубами свежая, еще подергивающаяся крысиная плоть.

-И в темноте видишь, и «угу» это твое, и мотаешься почти бесшумно. Мышей ловишь. И глаза эти твои... – Кол бормотал это себе под нос и загибал пальцы. – Знаешь, я буду звать тебя Сова! Нет бля, маловат ты, для Совы... Сычом! Да, так и буду! Хе-хе! – Кол поднял руку и махнув ею, торжественно произнес: – Нарекаю тебя сопля, Сычом! Отныне тебя зовут Сыч! Вон и почетный свидетель у нас есть! – Кол подбежал к нашему пленнику, и пнув его берцем под коленку, спросил: – Да? Слышал сука? Не слышишь? На еще тебе! – на этот раз носок ботинка влетел алкашу под живот, тот заскулил и утвердительно затряс головой. Ну а мне ничего не оставалось как открыв рот от охуения, наблюдать за учителем.

-Ну вот, у тебя теперь есть погоняло, причем я бы сказал, очень даже нихуево! – Кол хихикая подошел ко мне и хлопнув меня по плечу спросил- Тебе имя, а мне что?

-Ну..., наверное, спасибо большое! – я сиял от счастья! Имя, у меня есть МОЕ имя!

-Э нихуя! Друг мой, имена за спасибо, может только Пак раздавать хех! За это ты мне девку приведешь! Сюда, в сарай. И чтоб никто не видел, не слышал, и не искал, понятно? И чтоб целка была, лет пятнадцать не более, понял! Срок три дня тебе! Вот это и будет твое - «Охуенное спасибо дяденьке Колу!» Хе-хе!

-Второе задание?! - я вытянулся в струну и машинально улыбнулся во весь рот. Кол рыкнул, и отпрыгнув от меня на добрых два метра схватился за нож. Но быстро совладав с собой, осипшим от неслабого стресса, голосом выдавил - Да, задание. Второе, мля!

-Слышь Кол, а что такое «целка»?

-Че? Ух мля, точно! Откуда тебе знать, ты же сопля еще! Ну, в общем слушай...

Закончив объяснять о целках, и о кровеносной системе, учитель перешел к нервной системе и способам сделать человеку - «больно», «очень больно» и «пиздец как больно».

-А теперь, все что я тебе рассказал и показал, ты для меня повторишь сам! Причем начнешь с «болевых», затем сухожилия, кровеносная система, и полная разделка на «запчасти» хех! - Кол вымыл руки в ведре и указал на пленника. - И только попробуй че-то пропустить! Следующие десять ночей спать не дам! Будешь по ночам их разделявать, пока в твою башку это не забьется навсегда! Хоть весь город вырежи, похуй мне! Усек?

-Усек конечно, хуль тут не усечь! - м-да, видимо Пак и правда дохуя тебе заплатил, что ты так жопу рвешь со мной.

Я повернулся к затихшему мужичку: - Эй ты мокрица! Заснул чтоль? Давай, просыпайся! Теперь твоя очередь послужить науке!

Вечером вынеся из сарая два мешка с «мясом» и закопав их в овраге, я отправился выполнять задание Кола.

Целку ему видите-ли! Где же бля я найду такое диво? Ну бордель сразу можно исключить, хоть там и бабам в основном до двадцати, но целок как я понял, там отродясь не водилось. Тогда где? Хуй знает... На ум пришло воспоминание о той зарезанной тетке и ее дочках. Ну было тем дочуркам едва больше десяти, вот как мне? И хуль? Может же где-то и старше быть! Точно! Надо по городу прошвырнуться, может и запримечу где такая живет.

Весь тот вечер я промыкался впустую, прячут они их что ли! Ночью залез в три дома, там благополучно спали одни «старухи» под тридцать лет и мужики. В последнем доме была одна девка, но слишком малая. Немножко поднабив карманы у «гостеприимных» хозяев, я устроился на ночь на чердаке одного из домов недалеко от рынка. Под утро даже сон увидал, там были: Я, Кол, сова с огромными желтыми глазами и мой нож, а вокруг эти самые целки, целки... Пиздец блядь, приснится же!

Проснувшись, я слез с чердака и направился на рынок. Там уже была толчея, туда- сюда сновали разные тетки с авоськами и плетеными корзинами. Рынок шумел на все лады, слышались зазывающие выкрики торгашей. Я прошел мимо двух мужиков, увлеченно бьющих морду третьему. По репликам, исходящим от одного, мне стало ясно, что тот, которого метелят, проворовался. Ну это в здешних местах, совсем не новость!

Через пару часов шароебась по рынку, сам не замечая того, пристроился к одному семейству, гордо шествующему по рыбному ряду. Впереди, переставляя ноги на манер утки, пездовала жирная как бочка мамаша. Следом за ней два мужика, один худой как глист, возрастом, как и «бочка», ну это видать папаша. Второй по моложе и по жирнее, скорее всего сынуля ихний. А вот третье чадо, вполне себе худенькая стройненькая дочурка, лет тринадцать-пятнадцать. Длинные, каштановые волосы заплетены в тугую косу, на лицо вполне симпатичная, не высокого роста, видать «в папулю» удалась. Одета в синий сарафан, шитый явно не по фигуре, видимо на вырост или с мамашинной юности донашивает. Нормально! Я следом!

Семейство скупилось, и набив брюхо пирожками в закускойной, потопало видимо домой. Доча вытребовала купить ей новый, синий платок, и тут-же повязав его на голову, начала выебисто нарезать круги вокруг маман. Стало быть, радости дохуя у нее. Ну-ну попрыгай пока...

Я проследив за семейством до самого ихнего дома, убедившись в отсутствии «хвоста», как учил Кол, сныкался в кустах, что густо разрослись прямо напротив. Сидя в импровизированной засаде, начал кумекать: Ну «пропасу» я хату, типа сколько их там живет всего, где спит эта «коза», и как лучше в эту хату влезть. Ну влезу, грохну всех кроме нее, чтоб не шумели и искать пропажу не кому было, а дальше что делать? Разбудить и сказать пойдём со мной, я тебе монетку дома дам? Как тому алкашу? Ну на хуй! Один хер как стану их резать, кто-то да проснется, вопить станет, а нахуя оно мне? Не прокатит я думаю. Ведь надо еще как-то узнать, действительно она целка или уже никуя? Ох задачка! Ебнуть по башке пока спит, связать руки и завязать рот чтоб не вопила? А потом волоочь ее через весь район на горбу? Не, во-первых, могу зашибить, когда по башке дам, а во-вторых я эту кобылу не унесу, всё-таки мал я еще, хоть и силушка есть никуеая. Надо чтобы точно знать, что целка, и сама пошла за мной. Ебать... Точно! Я вот сегодня ночью, во втором доме, помимо двух монет серебром, еще камушек красивый прихватил! Я вынул из кармана сверток ткани и развернув, стал любоваться рубином размером с ноготь, он приятно щекоча глаза, заиграл на солнце своими гранями. Прикинусь «валенком» подойду к ней, покажу камушек, скажу, что типа там в овраге, еще есть, но мне их не достать самому, ну там чтоб помогла, и все такое! Вроде бы ничего идея, а вдруг она папаню или братца своего, жирдяя, попросит сходить помочь? Хотя врятли, вон как платку радовалась, скакала! Никому не скажет. Жадность заebet! Ну так надо будет ей и сказать, что мол, никому ни-ни! А то отберут, и никаких новых шмоток ей не видать! Годится, делаем!

10

-Ну долго еще идти? Ты не мог свое богатство поближе найти? – вещало юное создание, плетясь в овраг за мной.

-Почти пришли! Тебя точно не станут искать? – я повернулся к девице и соорил серьезную мину. – А то я ни с кем делиться не буду! Кроме тебя конечно! Ты же мне поможешь, так?

-Ха! Я папе сказала, что пошла к подруге, что через рынок живет! Я у нее иногда до вечера сижу, и ничего! А сколько там таких камешков? – девка повела своим носиком, изобразив гримасой, строгое недоверие, ну на свой взгляд.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/grey_denis/lebedinaya-pesnya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)